

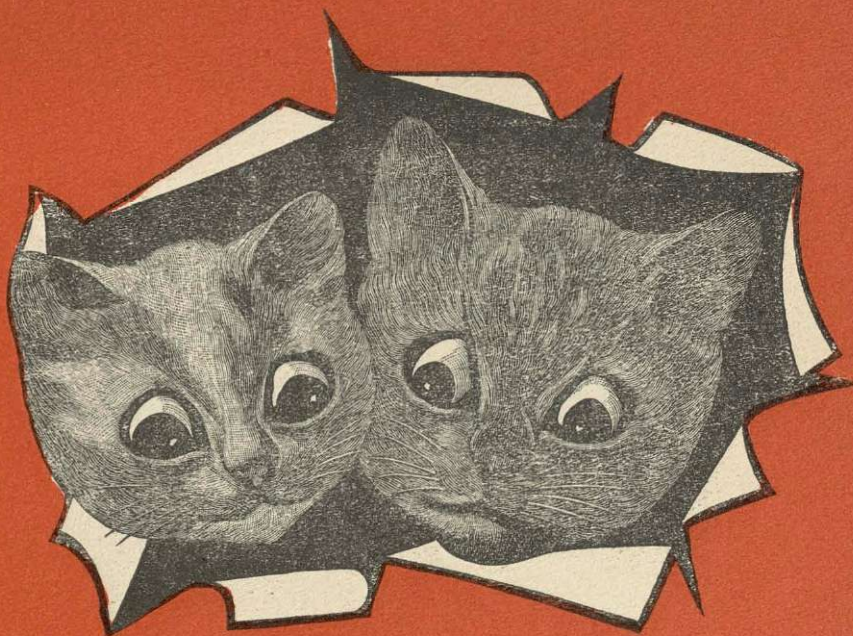
Учениць Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

ІЮНЬ.

№ 16.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛѢТНЕЕ УТРО.
У БЕРЕГОВЫХЪ КАМНЕЙ.
ВЪ ДЕРЕВНѢ,
ГДѢ РАСТУТЪ ПЕРЕДНИКИ.
ВЕЛИКІЙ МУЗЫКАНТЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ звѣрьки.
Выкройка шляпки и шапочки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Неожиданное происшествіе.

Л Ъ Т О М Ъ .

Летають бабочки, снують жучки, стрекозы,
 Въ густой травѣ кузнечики трещать,
 Ужъ отцвѣла сирень, цвѣтутъ роскошно розы
 И нѣжный отъ луговъ несется ароматъ.
 Весь день стоитъ жара, сіяетъ солнце ярко,
 И радъ, что посидишь въ тѣнистомъ уголкѣ...
 Но дѣтямъ ничего! Шалятъ въ аллеяхъ парка
 Иль съ визгомъ цѣлый день болтаются въ рѣкѣ.
 А чуть спадетъ жара и вечеръ благовонный
 Сойдетъ на лугъ, на лѣсъ, и спустится роса,—
 Ужъ соловьи поютъ свой гимнъ неугомонный
 И слышатся въ лѣсу ночные голоса.
 Но вотъ взошла луна и звѣздныя свѣтила
 Зажглись и въ небесахъ свершать свой стали путь,
 А мы сидимъ, сидимъ и, кажется, нѣтъ силы
 Подняться и уйти и до зари уснуть...

Кузнечикъ.

У БЕРЕГОВЫХЪ КАМНЕЙ.

На самомъ дальнемъ сѣверѣ, почти у самаго океана, на берегу узкой, извилистой бухты прикурнула маленькая рыбацья деревушка Оленекъ, состоявшая всего только изъ пятнадцати избенокъ, неуклюже выстроенныхъ изъ берегового гранита и бревень. У выхода въ океанъ, по самымъ краямъ бухты, торчали изъ воды острые камни, о которые съ шумомъ разбивались зеленыя волны. Когда-же наступала непогода и началъ дуть съ сѣвера вѣтеръ, то волны такъ заливали эти камни, что ихъ вовсе не было и видно. И если въ такую непогоду какое-нибудь рыбацье судно забирало немного вправо или влево при входѣ въ бухту, то оно неминуемо ударялось носомъ или кормою объ эти камни и погибало. Деревенька была ничтожная и находилась такъ далеко отъ всего цивилизованнаго міра, что никому и въ голову не приходило поставить у входа въ бухту маякъ.

Въ этой деревушкѣ обитало человекъ двадцать рыбаковъ. Никто изъ нихъ никогда не бывалъ въ

городѣ, каждый жилъ своею личною жизнью, ничего не зналъ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, и когда раза три или четыре въ годъ въ Оленекъ заходилъ баркасъ и какой то предприимчивый купецъ привозилъ различные товары и вымѣнивалъ ихъ у рыбаковъ на рыбу, то это было праздникомъ для всѣхъ. Въ такіе дни мужчины потирали отъ удовольствія руки, что выгодно сбыли съ рукъ засоленную ими рыбу, а женщины одѣвались въ свои лучшія платья и шли къ куцу на баркасъ чтобы купить себѣ пряниковъ и орѣховъ. А когда баркасъ уплывалъ, тѣ въ Оленькѣ снова становилось скучно, всѣ опять принимались за свою работу, ссорились, мирились, а въ долгія зимнія ночи, когда солнце показывалось только на часъ за цѣлые сутки, всѣ подолгу спали. Среди рыбаковъ были двое—Ивашъ и Николай. У Иваша былъ сынишка лѣтъ десяти—Корнѣй, а у Николая—дочь Анюта; на годъ моложе. Дѣти были между собою дружны, часто играли на берегу, а въ зимніе студеные дни все время просиживали одинъ у другого въ темной избѣ и при свѣтѣ лучины разсматривали въ которой уже разъ картинки въ засаленной отъ частаго употребленія книжкѣ, Богъ вѣсть какъ попавшей къ нимъ изъ далекой Россіи въ Оленекъ. Довольно часто ихъ отцы, не подѣливъ

чего-нибудь, или просто отъ скуки, ссорились между собой и тогда дѣти ихъ мирили. Отцы были довольны этимъ и часто говорили между собой:

— Когда выростутъ наши дѣти, то ихъ надо будетъ женить!

Наступилъ Іюнь. Весна была ранняя и къ Троицѣ весь снѣгъ уже растаялъ. Только въ низинахъ между холмами, да въ морщинахъ горъ и остались его пласты. Солнце не только свѣтило, но и грѣло. Холмы зазеленѣли. Приѣхали съ тундры самоѣды на оленяхъ, развернули свой чумъ, поселились въ немъ и стали запасаться на зиму рыбой. Корнѣй и Анюта бѣгали къ нимъ туда, смотрѣли на эту ихъ палатку изъ кольевъ и изъ кожи и имъ было странно видѣть самоѣдскихъ женщинъ въ мужскихъ штанахъ и грудного ребенка не на рукахъ у матери, а за голенищей ея сапога или въ мѣшкѣ за спиной.

Солнце свѣтило такъ ярко и грѣло такъ жарко, что къ Ильину дню трава выросла неожиданно чуть не на цѣлую четверть.

— Я скошу ее, сказалъ Ивашъ.

— Не успеешь высушить, отвѣтилъ Николай.—Задуетъ вѣтеръ пойдутъ дожди и вся твоя трава сгниетъ.

— А я попробую!

— Хоть и не пробуй! Виданное-ли дѣло, чтобы въ нашихъ мѣстахъ когда-нибудь со-

бирали сѣно? Да зачѣмъ тебѣ и трава?

— А я продамъ ее, когда придетъ къ намъ баркасъ.

И Ивашъ досталъ откуда-то старую заржавленную косу, на коротенькой рукояткѣ, и сталъ ею скашивать траву. Косилъ онъ, низко наклонившись надъ землею и размахивая косою вправо и влѣво, такъ что было похоже на то, будто онъ сбиваетъ съ травы однѣ верхушки.

Но Николай ошибся. Тепло простояло еще съ недѣлю и Ивашу вполнѣ удалось убрать его сѣно. Онъ старательно сгребъ его въ кучки, перенесъ ихъ всѣ въ одно мѣсто и сложилъ изъ нихъ цѣлый стогъ. Уборка сѣна была такимъ рѣдкимъ явленіемъ въ Оленькѣ, что всѣ выходили смотрѣть, какъ работалъ Николай и какъ помогали ему Анюта и Корнѣй.

— Ай, да Ивашъ! говорили они. Только онъ одинъ и догадался!.. Вотъ поди-же ты!

Для дѣтей это было сплошнымъ праздникомъ. Они радовались, кувыркались на свѣжемъ сѣнѣ и жадною грудью вдыхали въ себя его неизвѣстный имъ дотолѣ аромат. Стогъ былъ сложенъ не въ Оленькѣ, а вдали отъ него, на возвышеніи, у самаго входа въ бухту, въ томъ мѣстѣ, гдѣ внизу у подводныхъ камней съ шумомъ разбивались волны. Корнѣй влѣзъ на него и оглядѣлся кругомъ.

— Какъ далеко видно! воскликнулъ онъ.—Все море, какъ на ладони!

А рыбаки ходили кругомъ и завистливо поглядывали на сѣно.

— Вотъ такъ сѣно! говорили они! Ай-да стогъ!

Но благоприятное для уборки сѣна лѣто было совершенно неудачно для рыбной ловли. Все время стояла ясная, свѣтлая погода, солнце не садилось всю ночь и рыба положительно не шла въ сѣти.

— Хоть-бы поскорѣ пасмурная погода! говорили рыбаки. Тогда-бы лучше ловилось!—Этакъ приѣдетъ баркасъ и намъ нечего будетъ продать.

Одинъ только Ивашъ отъ удовольствія потиралъ руки: у него тоже не было рыбы, но зато былъ стогъ сѣна, за который онъ возьметъ съ купца не меньше, чѣмъ за рыбу, если-бы даже у него наловилось ея и вдвое, чѣмъ обыкновенно.

Но вотъ задули сѣверные вѣтры, солнце стало рано заходить и поздно всходить, самоѣды убрали свой чумъ и куда-то уѣхали и рыбаки стали поджидать купца.

— Скоро онъ явится сюда, а что мы ему продадимъ? вздыхали они.—Рыбы нѣтъ... Съ чѣмъ мы останемся на зиму?

Задулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ. Тучи обложили все небо и рыбаки легко вздохнули. Но скоро вѣтеръ

разогналъ всё тучи и снова за-
свѣтило солнце. Рыбаки опустили
руки.

— Будеть, будеть, непогода!..
кряхтѣла одна стуруха. — Такая
ломота по всему тѣлу, что мочень-
ки нѣтъ!.. Ноги мои, ноженьки, сту-
женныя, больныя!.. Охъ-охъ-охъ!..

И дѣйствительно, на слѣдующій
день, къ вечеру, часовъ около
пяти, стала собираться непогода.
Небо покрылось тяжелой, свинцо-
вой тучей. Какая-то страшная те-
плота разлилась вдругъ въ возду-
хѣ. Океанъ сталъ катить къ берегу
невысокія, частыя волны.

— Быть бурѣ! говорили рыбаки,
собравшись въ кучки, и крести-
лись. — Быть бѣдѣ!

— Вотъ-бы теперь половить ры-
бы! воскликнулъ кто то изъ моло-
дыхъ. — Передъ бурей рыба сама
идеть въ сѣти!

— Развѣ это возможно! слы-
шались голоса. — Черезъ полчаса
уже будетъ ночь, а кто знаетъ,
какова-то еще будетъ погода? Это
опасно!

— Эко, велика опасность! вос-
кликнулъ вдругъ Николай. — У ме-
ня крѣпкій баркасъ, я не боюсь
ничего! Точно это въ первый разъ!..
Я иду въ море, кто со мною?

Но никто не вызвался его со-
провождать. Послышался только
глухой ропотъ на безразсудство
Николая и кто-то сказалъ, что
онъ идетъ на вѣрную смерть.

— Не вернуться тебѣ обратно,

Николай!.. Ты-бы пожалѣлъ свою
дочь!.. Вѣдь все равно — тебѣ смерть!

— Развѣ можно накликать на
человѣка бѣду? крикнулъ на него
одинъ изъ стариковъ. — Кто на
другого бѣду кличетъ, тотъ самъ
послѣ горе мычетъ!

Но Николая только раззадари-
вали эти разговоры, онъ опустилъ
голову и, казалось, не рѣшался.
Но затѣмъ онъ вдругъ махнулъ
рукой, пошелъ къ себѣ въ избу,
одѣлся, вынесъ оттуда снасти и
твердою походкой направился къ
бухтѣ, гдѣ поскрипывалъ на при-
вязи его баркасъ.

— Хуже не будетъ! закричалъ
онъ своимъ рыбакамъ. — Все равно
безъ рыбы тоже помирать! Что
вы будете ѣсть зимою!

За нимъ бѣжала его маленькая
дочь Анюта, несла то, что было
ей подъ силу, и слезы струились
у нея по щекамъ. —

— Тятъка, останься, лепетала
она, — тятъка не ходи въ море!

Но онъ не послушалъ ея, сѣлъ
въ баркасъ, поставилъ паруса и
подхваченное вѣтромъ, его суде-
нышко, какъ чайка, взмахнуло
крылами и скоро выскочило изъ
бухты въ океанъ и исчезло въ
потемнѣвшей, сумеречной дали.

— Ну, что же? говорили рыба-
ки. — Тѣмъ хуже для него!

— Охъ, ноженьки мои стужен-
ныя, больныя, стонала старуха. —
Такъ ломать, что моченьки моей,
силушки моей больше нѣту!..

Наступилъ вечеръ и всѣ разошлись по домамъ.

Теперь уже буря свирѣпѣла. Съ семи часовъ вечера сдѣлалось такъ темно, какъ въ могилѣ. Море пѣнилось и бушевало такъ, что шумъ его волнъ мѣшалъ говорить. Вѣтеръ вылъ, поднималъ обшивку у крыши и, казалось, готовъ былъ сорвать съ горъ камни и покатить ихъ передъ собою. А Николай въ это время находился уже далеко отъ берега, качался на волнахъ и ловилъ рыбу. Опасность его ожидала впереди. Онъ ловилъ и былъ доволенъ: онъ доказалъ всѣмъ, что онъ не трусъ, и рыба массами стала попадаться въ его сѣти.

А вѣтеръ все дулъ и дулъ. Громадныя волны съ шумомъ набѣгали на подводные камни у входа въ бухту, покрывали ихъ, пробѣгали надъ ними и затѣмъ разбивались на миллионы брызгъ у самага берега.

Теперь войти обратно въ бухту было уже нельзя. Баркасъ неминуемо долженъ былъ налетѣть на камни, разбиться и пойти ко дну. Неустрашимый рыбакъ, ты погибъ!

— Теперь Анюта у себя въ избенкѣ одна... думалъ Корнѣй.— Должно быть, боится за отца и плачетъ... Или, можетъ быть, она спитъ?

И чѣмъ болѣе свирѣпѣла буря, тѣмъ все болѣе и болѣе Корнѣй думалъ объ Анютѣ и наконецъ не выдержалъ и отправился къ ней.

Порывъ вѣтра отбросилъ его въ сторону, когда онъ вышелъ изъ избушки, и закрутилъ вокругъ него песокъ и пыль. Корнѣй схватился обѣими руками за шапку и, низко нагнувъ голову, отправился къ избѣ Николая.

Вотъ и она стоитъ, прикурнувши къ утесу. Сквозь маленькое окошечко пробивается ласковый красноватый свѣтъ. Корнѣй подкрадывается къ окошечку и заглядываетъ въ него. Николай вдовецъ. У него одна только дочь—Анюта, которая замѣняетъ ему хозяйку. Теперь она сидитъ у столика одна и, подперевъ головку кулачкомъ, смотритъ, не мигая, въ темный уголъ и, повидимому, вся занята думою объ отцѣ.

Корнѣй тихонько стучитъ въ окно. Она вздрагиваетъ, поднимается и выходитъ на улицу.

— Это я... говоритъ Корнѣй. — Ты не спишь? Я пришелъ провѣдать, не скучаешь-ли ты одна?

Она пристально всматривается въ море, прислушивается, но ни одинъ звукъ не доносится до нея изъ далекой темноты.

— Онъ не вернется!.. говоритъ она со вздохомъ.— Тамъ ему смерть!

Мальчикъ беретъ ее за руку и старается ее утѣшить.

— Въ открытомъ морѣ съ нимъ не сдѣлается ничего, говоритъ онъ.—Его баркасъ прочно стоитъ на водѣ и никакимъ волнамъ его не перевернуть. Другое дѣло, если

онъ захочетъ возвратиться назадъ! Теперь камни у береговъ залиты и если онъ заберетъ вправо или влѣво, то, конечно, ему капутъ! Но онъ хорошій рыбакъ и если даже и захочетъ возвратиться назадъ, то непременно пройдетъ по самой срединѣ между камней.

Анюта зарыдала. Слова ея друга и утѣшали ее, и въ то же время заставляли ее дрожать. Что если отецъ дѣйствительно вздумаетъ возвратиться въ бурю назадъ!

— Пойдемъ! сказала она. — Я хочу быть поближе къ нему!

И, взявшись за руки, они побѣжали въ далекую темноту, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ стогъ Иваша и откуда открывался днемъ видъ на широкое, безбрежное, зеленое море.

Теперь на стогѣ лежали жерди и камни, положенные на него отцомъ Корнѣя, и вѣтеръ не могъ его разметать.

— Сядемъ здѣсь... сказалъ Корнѣй.

Они опустили на землю у самага стога и прислонились къ нему спинами.

— Что это у тебя въ рукѣ? спросилъ Корнѣй.

— Огниво и кремень... отвѣчала Анюта.—Я забыла передать ихъ отцу... Теперь ему нечѣмъ въ морѣ высѣчь огонь и онъ не можетъ даже и покурить...

— Дай ихъ сюда!

И онъ взялъ у дѣвочки огниво

и кремень и положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ.

Они тѣснѣе прижались къ стогу и одинъ къ другому, молчали и продолжали грустно смотрѣть въ темноту.

Какъ вдругъ Анюта вздрогнула и схватила Корнѣя за руку.

— Смотри!.. Вонъ тамъ!.. сказала она.—Видишь?

Корнѣй приглядѣлся. Сердце у него забилось.

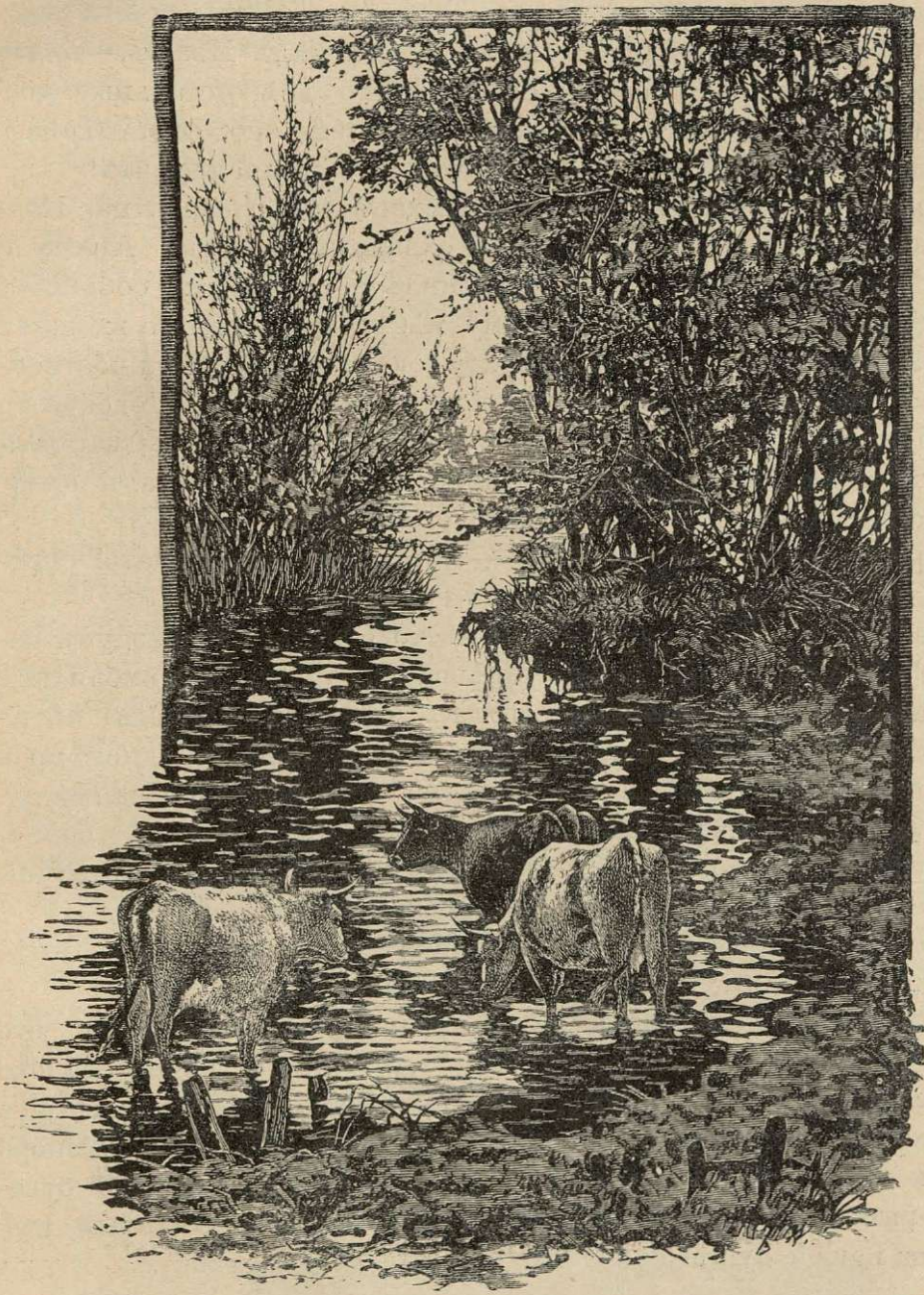
— Да, это онъ! воскликнулъ онъ.— Это твой отецъ!

Верстахъ въ двухъ отъ входа въ бухту, на волнующемся океанѣ замелькали два огонька: одинъ красный и другой зеленый. Съ ними всегда выходилъ Николай въ море, когда собирался провести на баркасѣ ночь. Теперь они мелькали то вправо, то влѣво, то вспыхивалъ красненькій огонекъ, то зелененькій, и по ихъ движенію можно было замѣтить, что Николай возвращался домой и тщетно искалъ входа въ бухту. Если онъ теперь заберетъ хотя немножко влѣво или вправо, то его баркасъ неминуемо налетитъ на камни, разобьется и Николай пойдетъ ко дну. Что, если бы у входа въ бухту горѣлъ маякъ!?

— Господи!.. Господи!.. закричала Анюта.— Что-же теперь дѣлать?.. Теперь онъ разобьется и я останусь сиротой! Хотя-бы вышелъ мѣсяцъ и посвѣтилъ ему, куда пройти!

Сладкій сонъ.

Въ знойный полдень.

Но мѣсяца не было, стояла темная ночь и темныя тучи еще плотнѣе сгустились надъ океаномъ. Огоньки на баркасѣ запрыгали то туда, то сюда, и теперь уже не оставалось больше никакого сомнѣнія въ томъ, что Николай искалъ входа въ бухту и что его относилъ прибоемъ прямо къ камнямъ.

— Подожди, воскликнулъ Корнѣй.—Я знаю, что дѣлать! Твой отецъ будетъ спасенъ! Побѣжимъ скорѣе домой!

— Зачѣмъ? спросила, вся затрепетавъ, Анята.

— Я попрошу позволенія у своего отца.

— На что?

— Молчи!.. Это дѣло мое!

И взявшись за руки, они со всѣхъ ногъ побѣжали въ селеніе и остановились у избы Иваша.

— Тятя, тятя!.. закричалъ Корнѣй и застучалъ въ окно.

Но отвѣта не послѣдовало.

Ивашъ и другіе рыбаки уже были внизу, у самой бухты, глядѣли на мелькавшіе вдалекѣ огоньки и не знали, что предпринять.

— Его обязательно надо спасти! больше всѣхъ кричалъ Ивашъ.— Виданное-ли дѣло, что-бы пропалъ такой рыбакъ! Если онъ потонетъ, то на нашей душѣ будетъ грѣхъ!

— Чѣмъ-же ты его спасешь? возражали ему другіе.—Какъ ты ему укажешь проходъ? Что-же, ты от-

правишься къ нему на своемъ баркасѣ самъ?

— Когда погибаетъ одинъ человѣкъ, продолжалъ Ивашъ,—то для спасенія его всѣ остальные должны жертвовать собою и отдавать все, что имъ принадлежитъ!

Услыхавъ эти слова отца, Корнѣй схватилъ за руку Аняту и потащилъ ее снова за собою, къ тому мѣсту, гдѣ у самаго входа въ бухту возвышался величественный душистый стогъ. Подойдя къ нему, онъ вынулъ изъ кармана огниво и кремень и сталъ высѣкать огонь.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила его Анята.

Вмѣсто отвѣта, онъ раздулъ загорѣвшійся труть и приблизилъ его къ сѣну. Порывомъ вѣтра труть перебросило съ одного края стога на другой и онъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, какъ свѣча. Анята вскрикнула и схватилась руками за сердце.

— Что ты надѣлалъ? едва имѣла она силъ сказать.

Но стогъ пылалъ теперь уже весь и его красное зарево далеко освѣщало собою волновавшійся океанъ и входъ въ бухту. Теперь на ней виденъ былъ каждый бугорокъ, каждый сомнительный выступъ изъ воды.

— Ну, вотъ тебѣ и маякъ! сказалъ задумчиво Корнѣй.

А Анята взглянула въ освѣщенное заревомъ пространство и

вдругъ весело захлопала въ ладоши, и стала прыгать.

— Смотри, смотри! заговорила она. — Отецъ замѣтилъ буруны. Онъ проходить теперь какъ разъ по самой срединѣ между камней! Вотъ онъ уже прошелъ, миновалъ ихъ!.. Вотъ ужъ онъ спокойно плыветъ теперь по бухтѣ... Вотъ ужъ онъ у берега и машетъ шапкой своимъ!.. Вотъ ужъ онъ выходитъ на берегъ невредимый!

И радостно взвизгнувъ, дѣти помчались обратно къ селенію встрѣчать рыбака. Когда они, запыхавшись и не чуя подъ собою ногъ, прибѣжали къ бухтѣ, то стогъ все еще горѣлъ и издалека освѣщаль собою группу рыбаковъ. Они обнимали Николая, привѣтствовали его и искренно радовались, что онъ возвратился живой.

— Спасибо тебѣ, товарищъ, обратился къ Ивашу Николай и крѣпко пожалъ ему мозолистую руку. — Если-бы ты не зажегъ для меня своего стога, то я былъ-бы сейчасъ на днѣ.

Николай съ удивленіемъ глядѣлъ то на него, то на догоравшій стогъ.

— Тятя, вдругъ обратился къ нему Корнѣй. — Я слышалъ, какъ

ты сказалъ, что для спасенія ближняго нужно жертвовать всеѣмъ, и вотъ побѣжалъ туда и... и...

Онъ не могъ договорить. Слезы брызнули у него изъ глазъ и, полный признанія своей вины, онъ бросился къ своему отцу и повисъ у него на шеѣ.

Отецъ хотѣлъ ему что-то сказать, но въ эту минуту Николай дружески хлопнулъ Иваша по плечу.

— Ничего, товарищъ! сказалъ онъ. — Ты лишился своего сѣна, но за то спасъ мнѣ жизнь. Бери за это всю мою рыбу себѣ!

Всеѣ рыбаки кинулись къ баркасу. Онъ до верху былъ наполненъ рыбой. Такого удачнаго лова не было еще никогда, и если всю эту рыбу теперь продать, то можно было-бы выручить за нее деньги сразу за десять стоговъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же?.. отвѣтилъ Ивашъ. — Я доволенъ и такъ... Я радъ, что ты остался живъ!

И оба пріятели, взявшись за руки, отправились къ деревнѣ. Все другіе послѣдовали за ними. И никому и въ голову не пришло пожалѣть о томъ, что сгорѣлъ такой прекрасный стогъ.

А. Б.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Еще прозрачными огнями
На лепесткахъ дрожить роса,
А солнце знойными лучами
Уже залило небеса.

У церкви съ изгородью острой
Могилки скромныя стоятъ,
Дѣтишки тамъ толпою пестрой,
Какъ рой весеннихъ пчель, шумятъ.

Прохладой дышетъ воздухъ вешній,
Раздался гдѣ-то скрипъ телѣгъ...
Душистый цвѣтъ покрылъ черешни,
Какъ будто первый, чистый снѣгъ.

Въ окно глядятъ они украдкой,
Ихъ занимаетъ блескъ иконъ,
Мерцанье блѣдное лампадки,
Колоколовъ размѣрный звонъ,

И со двора пастухъ сосѣдній
Съ веселой пѣсней гонитъ скотъ,
Колокола звонятъ къ обѣднѣ,
Молиться въ храмъ идетъ народъ.

И крестъ, блестящій на вершинѣ
Навстрѣчу знойному лучу,
Какъ будто кто-то въ безднѣ синей
Затешилъ яркую свѣчу.

Е. Селунская.

ГДѢ РАСТУТЪ ПЕРЕДНИКИ.

— Ахъ, какъ мнѣ надоѣло шить!
воскликнула Поля и глубоко-глубоко
вздохнула. — Что, если-бы передники
росли на деревьяхъ и ихъ не нужно
было-бы шить?

И она скомкала съ огорченіемъ
голубенькій кисейный передникъ,
къ которому мать приказала ей
пришить кружевца, и отшвырнула
его отъ себя подальше. Она сидѣла
на деревянной скамьѣ подъ
громадной сосной, росшей недалеко
отъ дома. Это было самое
любимое мѣсто Поли во всей ихъ
усадебѣ.

Не прошло и минуты послѣ
этого полного нетерпѣнія восклицанія,
какъ вдругъ передъ Полей
точно изъ подъ земли выросъ
маленькій сгорбленный старичокъ-
карликъ и, къ ея удивленію, заговорилъ
съ нею ласковымъ, слегка смѣющимся
голосомъ.

— А передники дѣйствительно
растутъ! сказалъ онъ. — Я только
недавно производилъ имъ жатву
и навязалъ ихъ нѣсколько сноповъ.

Если бы этотъ карликъ не смотрѣлъ
на нее такъ ласково и если-

бы не улыбались его добрые, старческіе глаза, то она испугалась-бы его и убѣжала. Но ей было интересно услышать отъ него еще что-нибудь объ его удивительной жатвѣ передниковъ и она осталась, какъ сидѣла, на скамьѣ и только съ удивленіемъ спросила:

— Передники растутъ?! Вотъ никогда не слыхала объ этомъ!

— Да, отвѣтилъ карликъ.—Тамъ, гдѣ я живу, растутъ и передники, и костюмы, и пиджаки, и шляпы, —однимъ словомъ все, что требуется для туалета. Все это растетъ такъ, какъ у васъ ягоды на крыжовникѣ. Я только вотъ еще вчера сорвалъ себѣ съ дерева этотъ сюртукъ и посмотри, какъ онъ уже созрѣлъ. Совсѣмъ, какъ только что отъ портного! А вотъ и стебелекъ, на которомъ онъ висѣлъ на деревѣ!

И онъ показалъ ей на вѣшалку, одинъ кончикъ который отпоролся

— А передники дѣйствительно растутъ.

отъ сюртука и торчалъ изъ-за ворота.

Поля поглядѣла на него и убѣдилась, что сюртукъ дѣйствительно былъ новый и что дѣйствительно изъ-за ворота у него торчалъ кончикъ вѣшалки.

— Вотъ-бы интересно посмотреть на это дерево! воскликнула она.

— Такъ за чѣмъ-же дѣло стало? спросилъ ее карликъ.

— А это далеко отсюда?

— Да; но я дамъ тебѣ сейчасъ наперстокъ, ты надѣнь себѣ его

на большой палецъ и скажи: „Наперстокъ наперстокъ, перенеси меня туда, гдѣ растутъ на деревьяхъ передники“. Зажмурь при этомъ глаза и, когда откроешь ихъ потомъ, то увидишь передъ собою то, что желаешь.

И вмѣсто того, чтобы побѣжать скорѣе домой и попроситься у мамы, Поля быстро надѣла наперстокъ себѣ на большой палецъ, зажмурилась и произнесла волшебныя слова.

Когда-же она открыла глаза потомъ, то передъ нею не было уже ни со-

сны, ни скамейки, ни усадьбы, а раскрывался роскошный садъ, въ которомъ росли какія-то странныя, диковинныя деревья, какихъ она не видѣла никогда даже на картинкахъ.

— Ну, что-же, входи! обратился къ ней карликъ, который былъ теперь одѣтъ, какъ садовникъ, и держалъ лейку въ рукѣ.—Входи, не бойся. Посмотри, какъ растутъ передники!

Поля вошла вслѣдъ за нимъ въ калитку и передъ нею открылась поляна, на которой стояли снопы.

— Вотъ! обратился къ ней карликъ.—Это посѣвы передниковъ. Они уже созрѣли и сжаты.

И, вытащивъ одинъ изъ нихъ изъ снопа, онъ протянулъ его къ Поли.

— Возьми себѣ! сказалъ онъ.—Онъ тебѣ пригодится.

Она развернула его, встряхнула и къ своему великому удивленію и удовольствію увидала хорошенькій бѣлый, кисейный передникъ, весь отдѣланный по краямъ дорогими кружевами и снабженный двумя шелковыми голубыми лентами.

— А вотъ здѣсь передники еще не сжаты! указалъ ей карликъ.— Они еще не посѣли.

И Поля увидала странныя рас-

тенія, на которыхъ трепались отъ вѣтра еще не готовые передники изъ шерстяной матеріи, ситца, муслина и сарпинки. На каждомъ растеніи росли все различныя по фасону и по цвѣту передники и отличавшіеся также и по матеріалу. Одни были длинные, другіе короткіе, третьи съ карманчиками, а у четвертыхъ были длинные шелковые завязки. Карликъ сталъ срывать съ растеній тѣ передники, которые посѣли уже настолько, что къ вечеру ихъ можно было бы сжать, и нагрузилъ ими руки Поли. Она брала ихъ и радовалась въ душѣ, что теперь ей уже долго не придется шить.

— А теперь пойдѣмъ въ шляпный садъ! предложилъ ей карликъ.

Карликъ предложилъ дѣвчкѣ сорвать себѣ прямо съ куста любую шляпу.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они вошли въ садъ, въ которомъ возвышались высокіе кусты, похожіе на подсолнечники, на которыхъ,

вмѣсто цвѣтовъ, росли всевозможныхъ фасоновъ шляпы.

— Батюшки мои! воскликнула отъ удовольствія Поля.

Здѣсь были всякихъ сортовъ шляпы: матросскія, широкополыя для садовниковъ, соломенные, цилиндры, кружевныя и тому подобныя. Карликъ предложилъ дѣвочкѣ сорвать себѣ прямо съ куста любую шляпу и прихватить также картузикъ и для своего маленькаго братишки, а если она пожелаетъ, то и праздничныя шляпы для папы и мамы, на что она охотно согласилась.

— Ну-съ, а теперь пойдемъ въ ленточный и кружевной садъ, сказалъ карликъ и вывелъ ее за руку изъ шляпнаго огорода въ поле, на которомъ росли ленты и кружева всевозможныхъ цвѣтовъ и волновались отъ вѣтра, какъ змѣйки.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! воскликнула Поля, и стала перебѣгать отъ одной грядки къ другой и рвать разноцвѣтныя ленты—красныя, желтыя, синія и розовыя прямо изъ грядокъ.

Грядки были чрезвычайно красивы и каждая изъ нихъ была сплошь такого цвѣта, какого цвѣта были ленты. Были тамъ и кружева, нѣкоторыя мокрыя и Поля замѣтила, что они, какъ водоросли, росли въ канавкахъ и между ними плавали личинки и жучки.

Теперь на рукахъ у Поли было уже столько всевозможныхъ вещей,

что карликъ кликнулъ къ себѣ другого такого-же маленькаго садовника и приказалъ ему привезти тачку, сложить въ нее подарки Поли и затѣмъ катить ее вслѣдъ за дѣвочкой на случай, если она захочетъ что-нибудь сорвать для себя еще.

Осмотрѣвши ленточный огородъ, Поля спросила у карлика, гдѣ-же растутъ его сюртуки?

— А вотъ здѣсь, недалеко! отвѣтилъ онъ и, взявши Полю за руку, ввелъ ее въ пиджачный садъ.

Здѣсь она увидѣла всевозможнаго сорта пиджачныя и сюртучныя деревья, на которыхъ болтались ффраки, пиджаки, кафтаны и пальто и даже матросскіе костюмчики для мальчиковъ. Всѣ эти вещи были сдѣланы изъ трико, саржи и сукна, какъ и сюртукъ карлика, и каждая изъ нихъ была вѣшалкой прикрѣплена къ сучку.

Деревья, на которыхъ росли теплыя, ватныя пальто, были выше и толще тѣхъ, на которыхъ росли пиджаки.

— А это что за смѣшныя кусты, которые растутъ въ тѣни подъ сюртучными и пиджачными деревьями? спросила Поля и стала набирать цѣлую кучу сюртуковъ, ффраковъ и пиджаковъ для своихъ дядей и отца.

— Это жилетные кусты, отвѣтилъ ей карликъ.—На нихъ растутъ только жилетки. Они тре-

буютъ для себя тѣни, такъ какъ жилетки всегда находятся на мужчинахъ подѣ пиджаками. Вообще у насъ здѣсь много разныхъ диковинокъ. Видишь-ли ты, напримеръ, вотъ этотъ приземистый кустикъ, который растетъ въ свою очередь подѣ жилетнымъ кустомъ? — Это рубашки и манишки!

Но Поля уже не интересовалась рубашками и побѣжала далѣе.

— А это что такое? вдругъ воскликнула она. — Вотъ интересно!

И она указала на высокое дерево, которое было похоже на сосну, но только съ серебряными иглами. Все оно такъ и сверкало на солнцѣ.

— Это игольное дерево, отвѣчалъ карликъ. — Если что-нибудь приходится намъ починить, то мы срываемъ съ этого дерева его хвои, вдѣваемъ въ нихъ нитки и шьемъ.

Поля цѣлыми горстями стала срывать съ дерева иголки.

— Осторожнѣе! крикнулъ ей карликъ. — Уколешься! Срывай тѣ, которыя помоложе, а то наберешь такихъ толстыхъ, что ими только шить сапоги!

Отсюда карликъ провелъ Полю къ дереву, на которомъ росли перчатки. На немъ вовсе не было листьевъ, а вмѣсто нихъ во всѣ стороны торчали пальцы отъ перчатокъ. На каждомъ стеблѣ трепалось по парѣ перчатокъ и каждая изъ нихъ прикрѣплялась къ стеблю посредствомъ пуговицы. Здѣсь были перчатки лайковые, шелковые и бумажныя. Дерево было довольно высокое, карликъ принесъ ножницы на палкѣ и срѣзалъ съ его вѣтвей для Поли по нѣскольку паръ разнородныхъ перчатокъ всякихъ цвѣтовъ. Но что болѣе всего

удивило Полю, такъ это то, что на этомъ же самомъ деревѣ, были и такія вѣтки, которыя приносили плоды только или лѣтомъ или зимою. На лѣтнихъ выростали митенки, а на зимнихъ — теплыя рукавицы. И карликъ объяснилъ при этомъ Полю, что рукавицы еще не доросли, потому что на нихъ еще не выросли пальцы.

На каждомъ стеблѣ трепалось по парѣ перчатокъ.

Послѣ этого они опять вернулись въ садъ, гдѣ карликъ подвелъ дѣвочку къ виноградной лозѣ.

шивались цѣлые гроздья пуговицъ. Однѣ изъ нихъ отливали перламутромъ, другія были совершенно

Всѣ яблони въ цвѣту.

— Смотри, сказала онъ.— Это пуговичное дерево. На немъ растутъ пуговицы. Хочешь я сорву для тебя цѣлую кисть?

И дѣйствительно, съ лозы свѣ-

черныя, а третьи — полотняныя, предназначенныя для бѣлья. Были и гроздья коринки—это пуговицы для сапогъ и ботинокъ. Онѣ были прикрѣплены своими ушками и

петельками къ стерженькамъ и на каждомъ гроздѣ ихъ было по шести дюжинъ каждаго сорта.

— Ахъ, какія красивенькія пуговицы! воскликнула Поля и, подбѣжавъ къ лозѣ, стала срывать кисть за кистью.

Помощникъ принялъ отъ нея пуговицы, положилъ ихъ въ тачку и они отправились далѣе.

— А вотъ здѣсь, съ гордостью замѣтилъ карликъ,—нашъ огородъ роскошныхъ бальныхъ платьевъ. Мы смѣло можемъ похвастаться этими рѣдкими растеніями. Здѣсь мы собираемъ жатву по три раза въ годъ, какъ это требуется модой; здѣсь вырастаютъ зимніе, осенніе и весенніе фасоны дамскихъ платьевъ. Отнимая отъ одного фасона и прикладывая къ другому, мы изобрѣтаемъ новые фасоны и добиваемся дѣйствительно рѣдкихъ и изумительныхъ результатовъ. Часто даже совершенно случайно, нисколько не подумавши, мы сдѣлаемъ какую-нибудь глупость—и вырастаетъ вдругъ самое моднѣйшее платье, какой-нибудь турнюръ, шлейфъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а ужъ о воротѣ и рукавахъ я и не говорю. Самые дорогіе нѣжные сорта платьевъ созрѣваютъ у насъ подъ стеклянными колпаками. Вотъ посмотри сюда. Видишь подъ этимъ колпакомъ бѣлое платье? Это—вѣнчальное платье. Я предложилъ-бы тебѣ его въ подарокъ, но оно еще не созрѣло. Раньше,

чѣмъ черезъ восемнадцать лѣтъ оно въ нашихъ краяхъ никогда не созрѣваетъ.

Но Поля едва слушала его. Разинувъ ротъ и широко раскрывъ глаза, она перебѣгала отъ одного дерева къ другому и жадно всматривалась въ бальные, визитныя, дорожныя и всякія другія платья и не могла насладиться ихъ фасонами.

Другой карликъ, который все время возилъ за Полей тачку съ ея припасами, теперь долженъ былъ достать другую тачку, чтобы уложить въ нее платья, которыя выбрала для себя Поля. Конечно, она сама не могла срывать для себя тѣ платья, которыя особенно привлекали на себя ея вниманіе, потому что не знала, придутся-ли онѣ ей въ пору. Это дѣлалъ за нее карликъ-старичокъ. Онъ срывалъ не только костюмы для нея, но и для ея мамы.

— А растутъ здѣсь у васъ гдѣ-нибудь носовые платки? спросила его Поля.

— Какъ-же, какъ-же... отвѣтилъ старичокъ.—Сейчасъ мы туда и идемъ!

И онъ подвелъ ее къ грядкамъ капусты, кочни которой составляли собою превосходные батистовые платки, скомканные и свернутые клубками, одинъ въ другой. Каждый такой кочанъ состоялъ изъ дюжины платковъ. Когда Поля сорвала одинъ изъ кочней и развер-

нула всѣ платки, то внутри кочна, вмѣсто кочерыжки, оказался флаконъ духовъ, отчего всѣ платки были пропитаны чуднымъ запахомъ.

Сорвавши нѣсколько такихъ кочней, съ листьями все различныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, Поля передала ихъ карлику въ телѣжку и они пошли далѣе обзрѣвать удивительный огородъ.

Болѣе всего заинтересовало Полю дерево воротничковъ и рукавчиковъ. Оно росло прямо изъ прудка, въ которомъ были размѣшаны крахмалъ и синька. Каждая пара рукавчиковъ была свернута въ трубку и такъ и висѣла на вѣтвяхъ этого дерева, а крахмальные воротнички торчали во всѣ стороны, какъ гороховые стручки. Подъ деревомъ росли цвѣточки, на которыхъ вмѣсто глазковъ были золотыя, серебряныя и перламутровыя запонки. Всего этого вдоволь нарвалъ старичокъ для Поли и уложилъ въ корзину.

Когда у Поли было уже много всего, старичокъ-карликъ подвелъ ее еще къ какому-то странному растенію, похожему на картофель. Когда карликъ вытащилъ его изъ

земли, то на его корняхъ, вмѣсто клубней картошки, оказались резиновыя калоши. Стряхнувъ съ нихъ грязь, Поля увидѣла, что внутри ихъ, точно миндалины въ скорлупѣ, находилась пара ботинокъ, а внутри ботинокъ — великолѣпные шелковые чулки.

— Рви ихъ, сколько хочешь! обратился къ ней старичокъ.

Она принялась вытаскивать растенія съ корнями и скоро около нея образовалась цѣлая куча изъ ботинокъ, туфель, сандалій и калошъ. Попадались въ нихъ вмѣсто чулокъ и гамаша, но всѣ онѣ были не шелковыя, а шерстяныя. Наполнивъ и ими цѣлую тачку, она отправилась далѣе за своимъ проводникомъ. На этотъ разъ онъ провелъ ее въ какое-то странное мѣсто, похожее на кладбище.

— А это что такое? воскликнула Поля, со страхомъ и сожалѣніемъ поглядѣвъ на могильные памятники, стоявшіе то тамъ, то здѣсь по травѣ.

— Прочти сама!.. отвѣтилъ ей карликъ и указалъ ей на надпись на одномъ изъ нихъ.

Поля подошла къ надгробному памятнику и увидала на немъ изображение, которое показалось ей издалека мертвой головой и парюю перекрещивавшихся подъ нею костей, какія обыкновенно высѣкаютъ у людей на могильныхъ плитахъ. Но, взглядывшись въ это изображеніе поближе, она разсмотрѣла, что это были вовсе не голова и не кости, а наперстокъ и подъ нимъ раскрытыя ножницы. Подъ ними была высѣчена слѣдующая надпись: „Подъ симъ камнемъ лежатъ тѣ ножницы и наперстокъ, которые часто теряются и трудно бываетъ ихъ найти“.

— Вотъ интересно! воскликнула Поля, прочитавъ эту эпитафію.— Такъ вотъ куда скрываются мои наперстокъ и ножницы, которые я такъ часто теряю! Не даромъ-же мама всегда въ такихъ случаяхъ говорить, что они точно провалились сквозь землю!

— Это тѣ наперстки и ножницы, пояснилъ карликъ,—которые нельзя уже больше найти, которыя потерялись ужъ совсѣмъ. А вотъ тѣ изъ нихъ, которые найти еще можно.

И подойдя къ какимъ-то кустикамъ, онъ крикнулъ въ нихъ:— Ку-ку!

— Ку-ку! Ку-ку! слышались отовсюду голоса.

И вдругъ изъ-за кустиковъ выскочили наперстки, пуговицы, ножницы, шпильки,—однимъ словомъ

всѣ предметы, которые когда-либо потеряла или засунула куда-нибудь Поля.

— Это они играютъ въ прятки! сказалъ старичокъ.— Здѣсь они прячутся до тѣхъ поръ, пока ихъ не найдутъ ихъ хозяйки.

И всѣ пуговицы, ножницы, наперстки и шпильки, повѣсивъ носики отъ того, что ихъ нашли, покорно послѣдовали за Полей.

Наконецъ Поля утомилась и попросилась домой.

— Ого! воскликнулъ карликъ.— Ты хочешь уже домой? Но вѣдь мы никого не отпускаемъ отъ себя, особенно тѣхъ дѣвочекъ, которыя приходятъ къ намъ, не спросивши позволенія у мамы. Вѣдь ты пришла сюда, не спросившись!.. Развѣ мы можемъ отпустить тебя домой?

Поля испугалась.

— Миленькій дѣдушка, сказала она и стала плакать.— Не нужно мнѣ всѣхъ этихъ вашихъ подарковъ, если я больше никогда не увижу свою маму. Развѣ можетъ быть что-нибудь лучше и милѣе родной мамы?

— Нѣтъ, сказалъ старичокъ,— ты останешься здѣсь, будешь ходить здѣсь въ нарядахъ и ни въ чемъ не имѣть нужды. Но матери своей ты не увидишь ужъ больше никогда.

Всѣ тѣ диковинныя вещи и наряды, которые Поля получила въ подарокъ отъ старичка, сразу потеряли въ ея глазахъ всякую цѣну.

— Я буду лучше нищая, сказала она,—и голодная, чѣмъ разстанусь съ мамой.

И она стала рыдать. Случайно взгляды ея упали на наперстокъ. Счастливая мысль осѣнила ее, она надѣла его себѣ на большой палецъ и произнесла: „Наперстокъ, наперстокъ, ненужно мнѣ здѣсь ничего, вынеси меня только туда, гдѣ живетъ моя мама!“

Она зажмурилась и когда вновь открыла глаза, то снова увидала себя въ своей усадьбѣ. Она сидѣла

на скамьѣ подъ старой сосной и передникъ, который она обшивала кружевцами, лежалъ недодѣланный сбоку ея. Около нея стояла ея мать и трогала ее за плечо.

— Проснись, проснись-же, дорогая моя!—Не хорошо спать прямо на солнцѣ!

Поля подняла на нее глаза, узнала ее, улыбнулась и ей пріятно было, что она была наконецъ у себя.

Неужели это былъ сонъ?

По D. W. Lyman.

ВЕЛИКІЙ МУЗЫКАНТЪ.

(Изъ жизни Моцарта).

— Сегодня я расскажу вамъ кое-что новенькое о Моцартѣ,—сказалъ намъ однажды вечеромъ нашъ отецъ.

Мы обрадовались. Рассказы и исторіи отца мы выслушивали съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Но, по условію, и мы, дѣти, тоже должны были что нибудь рассказывать. Насъ не удивило поэтому нисколько, когда отецъ сказалъ:—

— Поищите-ка у себя въ памяти, что вы знаете о великомъ музыкантѣ Моцартѣ?

О, о Моцартѣ мы знали много! Наша мама намъ часто играла на рояли Моцарта, мы любили ее слушать и она рассказывала намъ

иногда кое-что изъ жизни тѣхъ музыкантовъ, произведенія которыхъ намъ играла. Поэтому мы уже знали, что Моцартъ, еще будучи трехлѣтнимъ мальчикомъ уже безошибочно сыгралъ на фортепіано,—хотя еще не доставалъ и носомъ до клавишей,—вещицу, которую разучивала его сестра; что первую, сочиненную имъ піесу онъ написалъ пяти лѣтъ, но при этомъ вмѣсто нотъ наставилъ на бумагѣ чернильныхъ кляксъ; что, будучи шести лѣтъ, онъ уже предпринялъ концертное путешествіе, игралъ въ Вѣнѣ у короля и поразилъ всѣхъ своимъ искусствомъ; что онъ къ великому удивленію

своего отца, въ одномъ концертѣ сыгралъ на скрипкѣ, хотя до этого еще ни разу не держалъ скрипки въ рукахъ; что онъ во время второго музыкальнаго путешествія, тоже еще ребенкомъ, игралъ въ Парижѣ у французскаго короля, который оказалъ ему должный почетъ, и что еще въ юношескомъ возрастѣ Моцартъ былъ уже выдающимся музыкантомъ и управлялъ цѣлымъ оркестромъ.

Все эти рассказы изъ временъ юности Моцарта приводили насъ въ восторгъ и каждый изъ насъ мечталъ со временемъ сдѣлаться Моцартомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы испытывали и живѣйшую печаль, когда узнали, что этого великаго музыканта отравили изъ зависти его друзья. Мы отъ души сожалѣли, что Моцарту, не смотря на его необъятный талантъ, приходилось выносить и нужду, и тяжкія лишения. Мы знали, что Моцартъ отдавалъ другимъ все, что имѣлъ.

Мы выложили все, что знали. Отецъ, помолчалъ немного, и сказалъ:

— То, что я расскажу о Моцартѣ, будетъ и не весело и не грустно. Въ моемъ рассказѣ онъ предстанетъ передъ вами и какъ великій музыкантъ, и какъ человѣкъ съ большимъ сердцемъ.

— А рассказъ будетъ правдивый, или выдуманный?—спросилъ самый маленькій изъ насъ.

— Мнѣ рассказывалъ его мой дѣвушка, отвѣтилъ ему отецъ.— А мой дѣдушка былъ именно тѣмъ больнымъ человѣкомъ, о которомъ я буду вести рѣчь. Итакъ, слушайте!

И онъ началъ свой рассказъ:

Въ весенній вечеръ, въ восьмидесятыхъ годахъ позапрошлаго столѣтія, съ пригорка Вѣнскаго лѣса спустился и направился къ предмѣстью города молодой человѣкъ. Онъ очень спѣшилъ, чтобы найти гдѣ нибудь убѣжище передъ надвигавшейся грозой. Небо было покрыто тяжелыми черными тучами и вдругъ стало такъ темно, что трудно было разобрать свѣтлыя волосы, мягкія черты лица и мечтательные глаза молодого человѣка. Онъ шелъ домой съ прогулки. Что то неодолимое потянуло его въ этотъ день послѣ обѣда выйти изъ душнаго города на волю и подышать чистымъ воздухомъ. Придя въ лѣсъ, онъ успокоился. Тутъ ему было хорошо, но только онъ чувствовалъ сильный голодъ. Онъ могъ бы въ молочной выпить молока и поѣсть хлѣба съ масломъ, но у него—какъ это случилось съ нимъ нерѣдко—въ карманѣ не было денегъ.

Едва только молодой человѣкъ поровнялся съ первыми домиками предмѣстья, какъ разразилась гроза. Это заставило его войти въ дверь перваго же дома. Онъ хотѣлъ перестоять здѣсь въ сѣняхъ хотя

бы только первый сильнѣйшій приступъ грозы. Дождь полилъ какъ изъ ведра и забарабанилъ по крышамъ и по мостовой. Громъ и молнія чередовались почти безъ перерывовъ. Но удивительнѣе всего было то, что среди этихъ грозныхъ стихійныхъ стоновъ до уха молодого человѣка изъ внутреннихъ комнатъ доносились звуки фортепіано. Это была нѣжная, жалобная музыка, художественная, но очень тихая. Кто бы это могъ такъ нѣжно и легко прикасаться къ клавишамъ? Ребенокъ или больной? Едва ли ребенокъ, потому что пѣса была довольно трудна.

Въ домѣ слышались шаги, хлопнула дверь и музыка вдругъ прервалась. Послышался грубый требовательный голосъ, но словъ разобрать было нельзя. Затѣмъ кто то вышелъ и опять стало тихо.

Любопытство молодого человѣка было сильно возбуждено. Онъ медленно подошелъ къ внутренней двери и постучалъ въ нее. Отвѣта не послѣдовало. Тогда онъ тихо отворилъ дверь и вошелъ въ комнату—бѣдно обставленную и слабо освѣщенную. Въ ней неподвижно сидѣлъ передъ раскрытымъ фортепіано человѣкъ, закрывъ руками лицо. Вошедшій постучалъ сильнѣе—и человѣкъ этотъ вскочилъ съ испугомъ. Онъ былъ бѣденъ и по его исхудалому лицу катились слезы.

Вошедшій молодой человѣкъ въ свою очередь испугался и заговорилъ:

— Простите ради Бога мою смѣлость! Я вошелъ въ ваши сѣни, чтобы укрыться отъ грозы и услышалъ вашу игру на фортепіано. А такъ какъ я очень люблю музыку, то и рискнулъ войти, чтобы познакомиться къ тѣмъ человѣкомъ, который игралъ.

Хозяинъ смотрѣлъ нѣкоторое время на гостя смущенно и пылливо и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Вы оказываете мнѣ слишкомъ большую честь. Музыка моя слаба, а самый музыкантъ, т. е. я, какъ вы видите, еще того слабѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ я захворалъ, я не играю, а барабаню. Я очень несчастливъ! Меня сильно сломила болѣзнь.

— Мужайтесь! — сказала блѣлый курый гость.— Не теряйте вѣры въ свое искусство! Оно спасетъ и васъ такъ же, какъ спасало уже многихъ!

Больной съ отчаяніемъ покачалъ головою.

— Я, точно утопающій, потерялъ почву подъ ногами, а музыка для меня теперь не болѣе, какъ соломинка,—заговорилъ онъ.—Вы меня не понимаете? Но разъ вы выказали ко мнѣ сочувствіе, я повѣдаю вамъ свою грустную исторію. Два года тому назадъ я пріѣхалъ въ Вѣну съ женою и съ ребенкомъ, чтобы давать уроки музыки. Долго у меня не было заработковъ и мы

принуждены были заложить наше жалкое имущество. На второй годъ мнѣ немного повезло и мы немножко ожили. Но тутъ я заболѣлъ и на нѣсколько недѣль свалился въ постель. А теперь, когда я сталъ выздоравливать и черезъ двѣ-три недѣли, благодаря доктору,

скоро выздоровѣю, приносила мнѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ:—„Мѣсто уже занято“.—Сегодня она сдѣлала послѣднюю попытку достать мнѣ урокъ, но вѣроятно результатъ будетъ тотъ же. Она уже давно вышла изъ дому и при томъ еще съ ребенкомъ!.. Она должна была

Что-то вкусное!

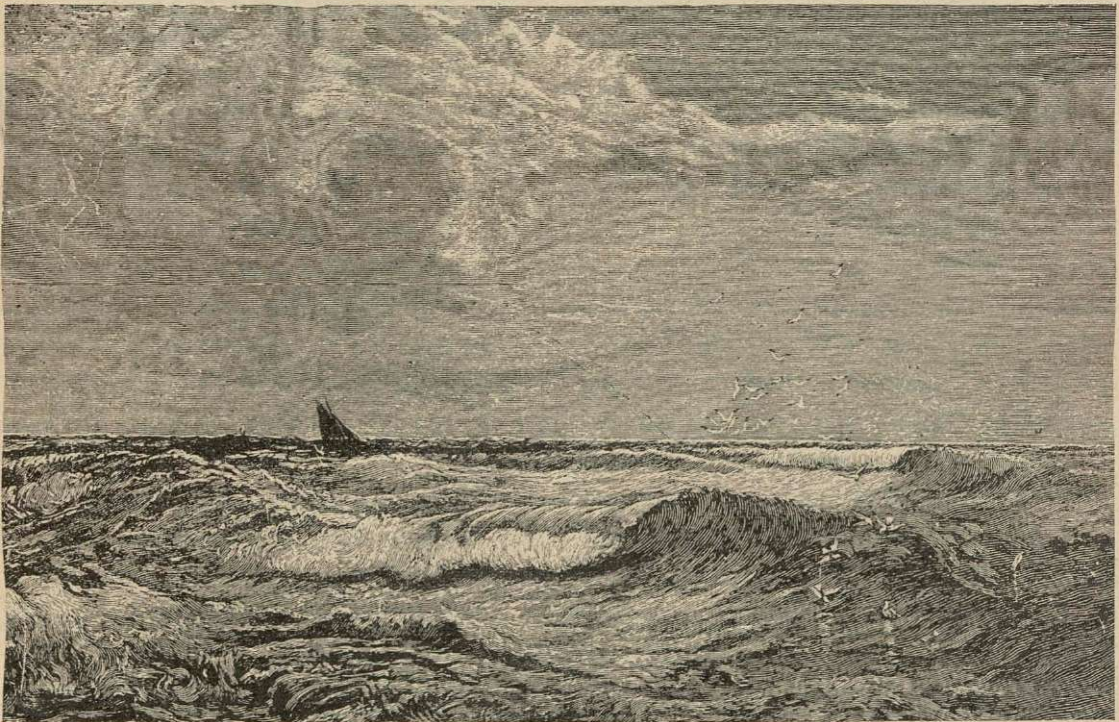
буду въ состояніи работать,—мнѣ начинаетъ казаться, что я сталъ неспособенъ къ музыкѣ и что я—немогущій нищій. Всѣ съ такимъ большимъ трудомъ прибрѣтенныя связи порвались и семьи, въ которыхъ я давалъ раньше уроки, уже пригласили къ себѣ другихъ учителей. Жена, которую я посылалъ къ нимъ извѣстить, что я

вернуться еще до грозы. Понимаете вы теперь мое положеніе, милостивый государь? Наши сбереженія давно уже израсходованы и это фортепіано и тѣ двѣ скрипки составляютъ единственное наше достояніе. Но на нихъ мы можемъ протянуть наше существованіе всего только на нѣсколько недѣль, а главное—нужно уплатить деньги

за квартиру. Мы должны уже за три недѣли и какъ разъ передъ тѣмъ, какъ вы вошли, приходилъ хозяинъ и требовалъ денегъ. Если я не заплачу въ теченіе недѣли, то мы окажемся на улицѣ. Понимаете теперь мое положеніе, милостивый государь?

пользу этого несчастнаго музыканта. Обрадовавшись этой мысли, онъ проговорилъ:

— Ваше положеніе мнѣ понятно. Но не отчаявайтесь. Тысячи и тысячи людей бывали въ такихъ же трудныхъ обстоятельствахъ, но все таки выкарабкивались!

Море.

Молодой человѣкъ былъ очень тронутъ этимъ рассказомъ: онъ и не подозрѣвалъ, что столкнется съ такимъ большимъ горемъ, и задумался. Чѣмъ и какъ тутъ помочь? Его собственные карманы были пусты и дома у него тоже нѣтъ ничего. Но за то у него было много знакомыхъ и онъ рѣшилъ обратиться къ нимъ со сборомъ въ

— Это не болѣе, какъ случай!

— Не унывайте! Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Откуда нибудь къ вамъ придетъ же помощь!

— Плохое утѣшеніе! Гдѣ и какъ искать мнѣ этихъ добрыхъ людей? Сами они ко мнѣ не явятся, а я не знаю, гдѣ ихъ искать. А развѣ не стыдно унижаться, нищенствовать и просить у чужихъ людей?

Мнѣ работа нужна, а не милостыня!

— Я вамъ найду работу... Я хочу... я могу... я буду...

Молодой человекъ бормоталъ со смущеніемъ. Онъ не былъ и самъ увѣренъ въ томъ, что обѣщаль, и очень обрадовался, когда въ сѣняхъ раздался наконецъ шумъ и больной воскликнулъ:

— Ну, вотъ и они, слава Богу!..

Вошла молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Положивъ ребенка на постель, она сказала:

— Онъ спитъ!

При видѣ ея гость всталъ и поклонился, а хозяинъ, указавъ на него своей женѣ, сказалъ:

— Это любитель музыки. Онъ услышалъ мою игру на фортепіано и зашелъ ко мнѣ.

Жена подошла къ мужу и нѣжно разгладила ладонью морщины на его лбу.

— Ты, конечно, тревожился по поводу того, что мы опоздали, сказала она,—но не сердись, голубчикъ: мы въ этомъ не виноваты. Мнѣ пришлось цѣлыхъ два часа прождать у графа. Ребенокъ заснулъ у меня на рукахъ и я принуждена была идти тише; а тутъ еще насъ застигла гроза... Но прежде всего узнай, что сказалъ графъ! У меня хорошія вѣсти. Какъ только ты окончательно выздоровѣешь, сейчасъ же отправляйся къ нему на урокъ. Урокъ оставленъ за тобою. Старшая его дочь на будущей

недѣлѣ выходить замужъ и графъ просилъ тебя сочинить ко дню ея свадьбы какой-нибудь танецъ. За это онъ предлагаетъ тебѣ двѣнадцать талеровъ. Но этотъ танецъ долженъ быть готовъ не позже, какъ черезъ три дня, чтобы его успѣли разучить музыканты. Графъ вполне полагается на тебя.

Больной слабо улыбнулся.

— Неужели ты думаешь, что я въ состояніи теперь сочинять веселыя вещицы? отвѣтилъ ей мужъ. При моемъ то настроеніи! Какъ разъ передъ приходомъ этого господина явился нашъ хозяинъ и обѣщаль вышвырнуть насъ изъ квартиры за неплатежъ.

Молодая женщина вопросительно поглядѣла то на мужа, то на гостя.

— Этотъ господинъ знаетъ все. Я рассказалъ ему о всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ,—пояснилъ больной.

— Успокойся, мой другъ и попробуй приняться за работу,—заговорила жена.—Постарайся тѣмъ болѣе, что домовладѣлецъ шутить не станетъ. Подумай-ка, вѣдь двѣнадцатью талерами мы не только оплатимъ нашъ долгъ, но еще и обезпечимъ себя на двѣ или даже на три недѣли! А если ты угодишь графу, то, пожалуй, онъ порекомендуетъ тебя и другимъ.

— Цвѣтутъ развѣ яблони зимою? Собираютъ развѣ групи съ терновника? — воскликнулъ въ отчаяніи

музыкантъ. — Ты требуешь отъ меня невозможнаго!

Но она стояла на своемъ.

— Можетъ быть, у тебя въ папкѣ уже найдется чтонибудь веселенькое изъ твоихъ прежнихъ сочиненій, сказала она, — дай, я снесу къ графу.

— Нѣтъ, все это не годится! съ отчаяніемъ отвѣтилъ больной. — Съ тѣмъ, что я уже сочинилъ, я никогда не рѣшусь выступить передъ публикой, особенно съ тѣхъ поръ, какъ великій музыкантъ Моцартъ произвелъ переворотъ въ музыкѣ, — отвѣтилъ больной музыкантъ и, обратившись къ гостю, спросилъ: — Видѣли вы когданибудь Моцарта? Слышали вы когданибудь, какъ онъ играетъ?

Не смотря на общее грустное настроеніе, на губахъ у гостя промелькнула лукавая улыбка и онъ весело отвѣтилъ.

— О, я часто видѣлъ и слышалъ Моцарта и знакомъ со всѣми его произведеніями!

— Счастливецъ вы! воскликнулъ больной. — А я знакомъ съ очень немногими его твореніями. Меня гложетъ страстное желаніе изучить этого великаго музыканта, который, какъ яркое солнце, появился на нашемъ музыкальномъ горизонтѣ. Моя болѣзнь помѣшала мнѣ послушать его концерты и углубиться въ его музыку. А разъ мнѣ это не удалось то у меня

пропала всякая охота сочинять чтолибо и играть.

Гость поднялся съ мѣста и сказалъ: —

— Какъ кстати подошло и пригодилося то, что я такъ хорошо знаю Моцарта и его музыку! Я попробую сочинить въ его духѣ какуюнибудь веселенькую вещицу и, если вы позволите, сейчасъ же подсяду къ фортепіано. Нотная бумага у меня есть.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана небольшую нотную тетрадь и карандашъ и подсѣлъ къ инструменту. Обоимъ супругамъ даже не приходило и въ голову, чтобы гость могъ серьезно приняться за творчество, и они съ выраженіемъ отчаянія переглядывались между собою. Между тѣмъ молодой человекъ наносилъ на бумагу одну ноту за другою и изрѣдка прикасался чуть чуть къ клавишамъ, извлекая слабые звуки. Больной умолкъ, чтобы не мѣшать, а молодая женщина отошла къ кроваткѣ, на которой спалъ ребенокъ.

Не прошло и четверти часа, какъ гость прервалъ молчаніе, и сказалъ:

— Готово. Теперь послушайте и скажите, понравится ли это вамъ?

Онъ заигралъ и кончилъ при восторженныхъ восклицаньяхъ обоихъ слушателей.

— Да, это — прелестнѣйшій ме-

нуэтъ! Я никогда ничего подобнаго не слышалъ! — воскликнулъ больной, всплеснувъ руками.

— Сами ангелы на небѣ не могли бы сочинить лучшей музыки! — отвѣтила молодая женщина.

— И отлично, — сказалъ гость. — Если эта вещьца въ самомъ дѣлѣ такъ хороша, какъ вы говорите, то отошлите ее сейчасъ же къ графу и получите за нее двѣнадцать талеровъ! Это — порядочныя деньги за такую мелочь. Было бы не дурно, если бы всѣ музыкальныя произведенія оплачивались такъ хорошо. Тогда музыкантамъ жилось бы много лучше, чѣмъ теперь!

Гость поднялся, вырвалъ изъ тетрадки исписанный листокъ и положилъ его на фортепіано.

— Возможно ли это? Неужели это не сонъ? — воскликнулъ больной. — Неужели же существуютъ люди, которыхъ трогаетъ чужое горе и они не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока не помогутъ? И вы разрѣшаете мнѣ эту великолѣпную вещь выдать за свою?

— Пожалуйста, если только это вамъ поможетъ. Объ этомъ пустякѣ не стоитъ и толковать! Такихъ мелочей у меня всегда такъ много въ головѣ, что часто некуда бываетъ дѣвать.

— Право, точно въ сказкѣ, — проговоривъ больной, не будучи въ состояніи опомниться. — Кто же вы такой? Что вы за одаренный

Богомъ музыкантъ, могущій сорить такими вещами?

Гость молчалъ и улыбался.

— Скажите по крайней мѣрѣ ваше имя, чтобы я до конца дней моихъ могъ молиться за васъ Богу!

— Когда нибудь вы его узнаете, отвѣтилъ гость, — но теперь уже поздно и мнѣ пора идти домой. Будьте здоровы. Идите лучше въ лѣсъ: онъ васъ успокоитъ и исцѣлитъ и вы перестанете отчаиваться въ своемъ дарованіи. А вотъ вамъ и еще одно маленькое утѣшеніе. Въ оркестрѣ, которымъ я дирижирую, скоро освободится мѣсто скрипача. Я похлопочу, чтобы оно осталось за вами. Я дамъ вамъ знать. А теперь прощайте и будьте здоровы!

И гость вышелъ.

Больной музыкантъ и его жена съ благоговѣніемъ посмотрѣли ему вслѣдъ.

„Кто-бы это былъ?“ подумали они оба.

Вечеромъ больной отнесъ къ графу написанный гостемъ менуэтъ и получилъ за него двѣнадцать талеровъ. На свадьбѣ графской дочери этотъ менуэтъ привелъ всѣхъ въ неописуемый восторгъ. Тамъ-же былъ и сочинившій его гость, который весело подъ него плясалъ.

А на слѣдующее послѣ свадьбы утро больной музыкантъ получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержания:

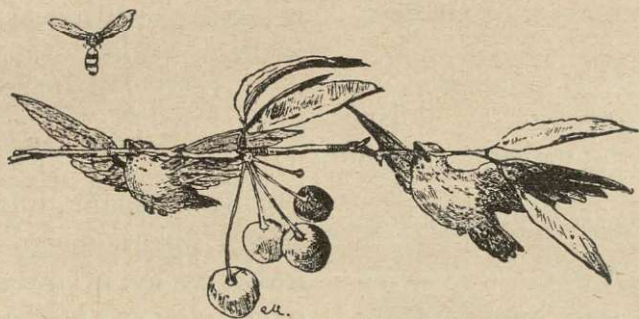
„Вчера я танцовалъ подь про- данный вами графу менуэтъ. Вы доставили мнѣ этимъ большое удо- вольствіе. Позвольте-же и мнѣ от- благодарить вамъ тѣмъ-же. Въ ор- кестрѣ, которымъ я дирижирую, освободилось мѣсто скрипача. Оно

оставлено за вами. Теперь вы бу- дете жить безбѣдно. Поздравляю васъ и жду васъ къ себѣ.

Вашъ Моцартъ“.

Удивленію больного музыканта не было границъ.

Othm. Berger.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова:

- 1) — ул — = часть ружья,
- 2) — иц — = часть головы,
- 3) — ѣст — = то, изъ чего пе- кутъ пироги и булки.

На мѣста черточекъ поставить недостающія буквы и составить изъ нихъ три слога. Изъ этихъ трехъ слоговъ должно получиться новое слово, которое означаетъ то, что получится, если къ названію ноты приставить названіе извѣст- ной игры.

Что это такое?

II.

Задуманы три слова:

- 1) ... панъ = мужское имя,
- 2) . улъ = селеніе горцевъ,
- 3) тата..., = инородецъ.

На мѣста точекъ поставить не- достающія буквы и составить изъ этихъ буквъ новое слово, которое означаетъ горючее вещество.

Какое это слово?

III.

Задуманы три слова:

- 1) — — и — — = названіе раз- валины,

2) — — боч — — = названіе на-
сѣкомаго,

3) — — ла — — = утренній муж-
ской костюмъ.

На мѣста черточекъ поставить
недостающія буквы и составить
изъ этихъ буквъ два новыя слова,
означающія:

а) первыя буквы — одежду.

б) вторыя буквы — то, что есть
подъ поломъ и надъ потолкомъ.

IV.

Зачѣмъ въ холодную погоду
нѣкоторые люди имѣютъ ватное
пальто?

(Предложила Л. Васильева).

V.

Отъ каждой изъ нижеслѣдую-
щихъ фразъ взять по одному только
слову и составить изъ этихъ словъ
начало извѣстнаго стихотворенія
Пушкина:

1) Испуганныя волкомъ овцы
прибѣжали обратно домой.

2) Мать и отецъ пришли въ избу
и усѣлись за столъ.

3) Вокругъ родителей усѣлись
также и дѣти.

4) Послышался крикъ ребенка;
няня очень испугалась и второ-
пякъ выбѣжала на дворъ.

5) Нашу большую собаку зовутъ
Полканомъ.

6) У меня нѣтъ отца, но есть
мать.

7) Когда крестьянскія дѣти уви-
дали отца, то они отъ радости
закричали:

— „Тятя! Тятя!“

8) Наши болота и лѣса изоби-
луютъ дичью.

9) Рыбаки ужъ тащутъ сѣти, на
лугу коса звенить.

10) Собака притащила полужи-
вого зайца.

11) Гіена питается всякою па-
далью: она разыскиваетъ трупы
павшихъ животныхъ, сѣдаетъ ихъ
и даже раскапываетъ могилу мерт-
веца.

(Предложила Ж. Альянаки).

VI.

Изъ каждой изъ нижеслѣдую-
щихъ фразъ взять только по од-
ному слову и составить изъ этихъ
словъ фразу, которой начинается
очень извѣстная басня Крылова.

1) Сегодня, на урокъ зоологіи,
учитель рассказывалъ намъ о пти-
цахъ вороньей породы, т. е. о
грачѣ, воронѣ, сорокѣ и галкѣ.

2) Григорій скоро-ли ты запря-
жешь лошадь?—Да вотъ, хозяинъ,
не знаю... Гдѣ-то затерялась уз-
дечка!

3) Не дай, Богъ, никому встрѣ-
титься съ разъяреннымъ тигромъ.

4) Солдатъ послалъ своей ма-
тери письмо и, получивъ его, она
стала плакать отъ радости.

5) Вотъ лещикъ, потроха, вотъ
стерляди кусочекъ! Ушица ей-же,
ей, на славу сварена!

6) Дайте мнѣ коробочку килекъ,
два фунта ветчины, фунтъ сыру
и полъ фунта малороссійскаго

сала! Сколько все это стоит? Заверните!

VII.

Дѣвочки дали апельсинъ. Она

стала его чистить, но содрала съ него кожицу такъ неосторожно, что изъ апельсина потекъ сокъ и измазала ей руки. Почему именно потекъ изъ апельсина сокъ?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 12, помѣщенныхъ въ № 14 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Буква „в“ II) Онъ сталъ стоять на другой ногѣ. III.) бала + лайка (балалайка), ...тромъ-бон... (тромбонъ), скрипъ + ка (скрипка), ...манъ + долина (ман-долина), ...ги + тара (гитара), ...ли-та + въ + ры (литавры), ...бара + + бан (барабанъ), корнетъ — а — — пистонъ, ...аръ — фа (арфа), ...гу + сли (гусли). IV.) Уха, Врагъ, Лава, Омаръ, Ода, Ладья.

М — уха, **О** — врагъ, **С** — лава, **К** — омаръ, **В** — ода, **А** — ладья.

Задуманное слово = Москва.

V.) Сто — рожь (сторожь). VI.) По клавишамъ.

VII.) Гирия, Тарелка, Радуга; Ли + ба + ва (Либава), Ги + та + + ра (гитара).

VIII.) Си + рота (сирота). IX.) Серпъ; ухо; въ. Задуманное слово — Серпуховъ.

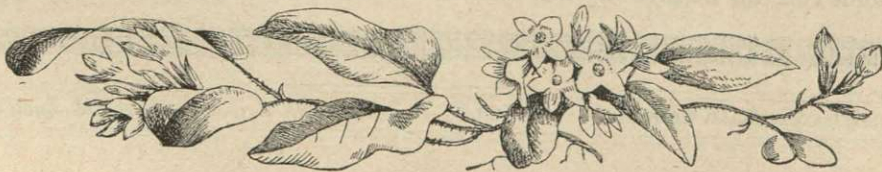
X.) Овесъ, корова, Лондонъ, дерево, дрова, воскъ, вакса, водоносъ, воронъ, ледаколь, каска. Городъ Александровъ, Владимірской губ.

XI.) Пи + сто лѣтъ (пистолетъ); пи + стонъ (пистонъ).

XII.) Мели + тополь = Мелитополь, городъ Таврической губ.

Ребусъ № 12. Въ е че + ромъ + + око + л + осель + а + со + бра + + лось + м + ножъ + ествъ о + к + + оса + ре + й = Вечеромъ, около села собралось множество косарей.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Лена, Борисъ, Вѣра С. изъ Ташкента, Шура Леонтьева изъ Калуги, Кадетъ С. Сурицъ изъ Калуги, Марія Циглеръ изъ Ижевскаго завода, Коля и Маруся Побѣдимовы, Владиміръ, Евгений, Георгій и Фердинандъ Конради въ СПб., Кира Квашневская въ СПб., Иосифъ Хайковъ изъ Б.-Лепатихи, Котикъ Богдановскій, Муся и Володя Визи въ СПб., Сережа и Пава Лисенко изъ Елисаветполя, Костя Чукаринъ изъ Макѣвки, Лида, Коля и Рая Чукарины изъ Макѣвки, Стасюня Тодеско изъ Гулиба, Витя Жучекъ, Валя, Нина и Володя Савиловы изъ Моршанска, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Слонима, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Елена Васильева изъ Оренбурга, Тина и Зигфридъ Геймансонъ изъ Одессы, Георгій Коршунъ-Орловскій изъ Столбцовъ Минск. губ., Андрияша Федотовъ-донской казачекъ изъ Щучина, Нина Блюмъ изъ Велижа, Миша Калифъ, Шура Леонтьевъ, Зоя Рейшахъ-Ритъ изъ Пензы, Сережа Карташевъ изъ Чугуева, Слава Василенко изъ Харькова, Витя Бейтлеръ, Тая Бургимова изъ Казачьей Лопани, Тая Василевская изъ Летичева, Александръ Бѣлый, Сережа Гушканчикъ, Леля Лотоцкая изъ Рѣчицы «Золотая Дѣтка», Муза Ковалева, Гаврилъ Сазоновъ, Хаимъ Фишманъ изъ Тульчина, Вася Черниковъ изъ Варшавы, Шушу Георгіевская, Лида, Костя, Коля Чукарины изъ Макѣвки, Коля Ильинъ въ СПб., Нина и Соля Шаповы, Галя Ротмистрова изъ Житомира, Тамара Байкова изъ Одессы, Надя фонъ-Клугентъ изъ Кіева, Жена Стрекоза, Сережа Домрачевъ изъ Камышина, Шахъ-Гендрихъ изъ Кишинева; Сережа Домрачевъ изъ Камышлова, А. Марковичъ изъ Кіева, Л. Фигурская изъ Теплика, Надя Бонъ изъ м. Воронежа Черниг. губ., Шура и Володя Ергаковы изъ Касимова, Марія Негулицына изъ Чербаева, Витя Выстрицкій изъ Царицына, В. Турничъ, Фаня, Нюся и Надя Гальпернъ изъ Минска.

Ребусъ № 14.

(Фамиліи подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ— по 45 копѣекъ за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи [изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ теплоѣ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ: въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, для городскихъ подписчиковъ: въ известныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Кромѣ того, подписка принимается также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

